

В. С. Кучко, О. Д. Сурикова

**ИНСТИТУТ БАБЧЕСТВА В ОДНОМ КОСТРОМСКОМ АРЕАЛЕ:
ПРОБЛЕМА ГЕНЕЗА И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ***

doi: 10.30759/1728-9718-2024-2(83)-16-23

УДК 39(470.317) ББК 63.5(235.44)

В центре внимания статьи — социокультурная ситуация, сложившаяся в микроареале на юге Макарьевского района Костромской области, в пределах современных населенных пунктов с. Юрово, д. Юрово, дд. Большие и Малые Рымы. Целый ряд важных социальных функций в местном сообществе на протяжении советского периода (а некоторые — по сей день) выполняли женщины старшего возраста — их принято называть *ба(б)ушками / молельными ба(б)ушками*. Они выполняли роли повитух, знахарок, участвовали в религиозной обрядности (совершали богослужения в моленных домах, крестили детей и отпевали покойников), в ряде календарных и некалендарных обрядов (в весеннем окликании молодоженов, в обходах деревни с целью защиты от пожаров и др.), а также имели полномочия наказывать членов общины за нарушения. Работа основана на полевом материале, который собирался в названном ареале сотрудниками Топонимической экспедиции Уральского федерального университета летом 2023 г. Цель авторов — описать явление, для которого предлагается термин «бачество», в том виде, в каком его застали сегодняшние местные жители старшего поколения, назвать возможные предпосылки его формирования и факторы, поддерживавшие его развитие. Прослеживая историю региона, авторы предлагают гипотезу о возможном влиянии старообрядчества на функционирование института бачества.

Ключевые слова: *русская традиционная культура, этнография, бачество, история старообрядчества, Костромская область*

В статье речь пойдет о специфическом в историко-географическом и конфессиональном плане регионе — о южной части нынешней Костромской области в месте, где она граничит с Нижегородчиной. Это юг Макарьевского района Костромской области, а конкретнее куст из четырех деревень, отдаленных от прочих населенных пунктов и расположенных по берегам р. Черный Лух (впадающей в р. Унжу слева, недалеко от места, где теперь образовался Унженский залив Горьковского водохранилища): с. Юрово (бывш. Большое Юрово), д. Юрово, дд. Большие и Малые Рымы. Здесь авторы работали в августе 2023 г. в составе Топонимической экспедиции Уральского

федерального университета и столкнулись с особой социокультурной ситуацией: целый ряд важных социальных функций в местном крестьянском сообществе выполняли женщины старшего возраста (начиная примерно с 50 лет), которых здесь принято называть (*молельными / моленными*) *ба(б)ушками*. Задача статьи — представить свежие полевые материалы и, опираясь на них и на исторические источники, описать эту ситуацию в том виде, в каком ее помнят сегодняшние местные жители старшего поколения, назвать предпосылки, благодаря которым она могла сложиться, и факторы, поддерживавшие ее развитие.

Функции, выполняемые в рассматриваемом сообществе старшими женщинами, — это повитушество, знахарство, исполнение календарной обрядности на особых правах, регулярное исполнение религиозных обрядов, а также — что привлекает особое внимание своей необычностью — социальная регуляция (подробнее см. ниже). Для обозначения этого явления мы будем использовать термин «бачество». В близком, но не эквивалентном смысле термин «бачество» употребляла, по нашим данным, М. И. Мирошниченко,¹ понимая под ним

Кучко Валерия Станиславовна — к.филол.н., с.н.с. Топонимической лаборатории кафедры русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации, Уральский федеральный университет (г. Екатеринбург)
E-mail: kuchko@inbox.ru

Сурикова Олеся Дмитриевна — к.филол.н., с.н.с. Топонимической лаборатории кафедры русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации, Уральский федеральный университет (г. Екатеринбург)
E-mail: surok62@mail.ru

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 23-78-10029 «Традиционная культура костромской деревни в советское и постсоветское время: электронный корпус этнолингвистических материалов» (рук. О. Д. Сурикова)

¹ См.: Мирошниченко М. И. Материнские практики на Урале в 1920-е — первой половине 1930-х гг.: коммуникационные взаимодействия и противоречия // ЕВРАЗИЯ-2022: социально-гуманитарное пространство в эпоху глобализации и цифровизации. Челябинск, 2022. Т. 2. С. 66–68.

институт повитушества и знахарства (очевидно, подразумевая его связь с общенародным *бабить* 'помогать при родах'). Термин представляется удачным для описания нашей ситуации в силу спектра актуализируемых им смыслов, формируемого полисемией корня, который положен в его основу: в нем сочетается указание на повитушество, которым в числе других медицинских практик занимаются юровские старшие женщины, с прямым обозначением пола и возраста субъектов ситуации — «молельных бабушек». Следует отличать юровское бабчество от распространенной у русских практики деревенского келейничества, когда не вступившие в брак девушки, часто не принимая постриг, отходят от мира и живут уединенной, фактически монашеской жизнью в отдельных кельях, пользуясь, как правило, уважением односельчан за чтение псалтири по покойным, обучение детей грамоте и церковному пению и т. д., но и только, не беря на себя социорегулирующие и другие функции, свойственные бабчеству. Юровские молельные бабушки воспринимаются окружающими как представители определенной социальной группы,² наделенной конкретными и весьма широкими полномочиями, которые охватывают духовную сферу жизни сообщества и подразумевают контроль за его поведенческой сферой.

Все они в качестве «прихожанок» участвуют в деятельности *молельных (моленных) домов* (отсюда и название — *молельные бабушки*). Моленные дома, параллельно существовавшие и в с. Юрово, и в д. Б. Рымы, — это обычные жилые избы, хозяйки которых согласились принимать у себя молельных бабушек для коллективных молитв. В одном населенном пункте одновременно действовал один моленный дом, а после смерти хозяйки или потери ею дееспособности «прихожане» совместно решали, кто из них возьмет на себя роль хозяйки следующего. Фактически моленные дома были изофункциональны храму; в них присутствовали старые иконы большого размера, возможно, спасенные из разоренной в советское время церкви в Юрове или, по другой версии, принесенные насельницами Белбажского женского монастыря, бежавшими в Б. Рымы после его закрытия в 1921 г. В Б. Рымах эти иконы наследовались каждым следующим домом вплоть до их исчезновения в 2011 г.

² Социальной, а не половозрастной, поскольку не каждая женщина, вышедшая из возраста фертильности, примыкает к коллективу молельных бабушек.

Богослужения в моленных домах устраивались по большим церковным праздникам, включая годовой праздник деревни. Помимо этого, устраивался коллективный молебен о дожде в случае засухи (ср.: «Дождь старушки-те у нас вызвали в моленных домах» — Б. Рымы³). Вне моленного дома собирались для чтения молитв в случае чьей-либо смерти в доме, где находился покойник. Мужчины, по всем свидетельствам, такие дома не посещали (за единичным исключением).

Семейный статус хозяйки моленного дома мог варьировать, ср.: «Раньше дома у нас молитвенные старались <устроить> у женщин, которые замуж не выходили. А последний дом — у замужней был» (Б. Рымы); «[Хозяйка такого моленного дома должна быть не замужем?] Была она замужем, и детки у её были. [А до нее кто был?] Тожо женщина в Селе, тожо замужняя, и с детками» (Юрово). Положение хозяйки дома при этом вовсе не обязательно означало ее главенство в «молитвенной» общине. Она могла быть *главной (старшей)*: «Главной хозяйка была» (Юрово), — в иных случаях главной считалась *установница* — обладательница более сильного голоса или бóльших знаний в области чтения литургических текстов: «Когда у Липы Басковой ходили, всегда главной была тетя Тоня Батькова. У нее и голос такой, вот она вела, а остальные подпевали» (Б. Рымы), «Были моленные дома. Там бабы заправляли... Старшая у них — котора лучше знает, как по книгам святым читать. <...> Там старшая установница» (Там же).

С одной стороны, нужда в моленном доме, отчасти заменяющем храм, была продиктована разорением после установления советской власти Покровской церкви в с. Юрово, обслуживавшей местный приход. С другой стороны, в устройении моленных домов можно усмотреть следы старообрядческого прошлого этих мест, о котором подробно будет сказано ниже. Самостоятельно организованные молельни всегда играли значимую роль в общественной жизни старообрядцев, были центрами духовной жизни общин, и один из типов подобных молен — моленные в частных домах.⁴ В частности,

³ Здесь и далее контексты извлечены из лексической картотеки Топонимической экспедиции УрФУ, если не указано иное. Они принадлежат местным жительницам, никогда не проживавшим за пределами рассматриваемого куста, в возрасте от 57 до 93 лет.

⁴ См., напр.: Прокофьева Н. В. Старообрядчество Верхнего Поволжья в конце XVIII — начале XX в.: дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 2001. С. 134, 135, 183.

у беспоповцев женщина во главе моленных до революции — отнюдь не редкость,⁵ причем именоваться старообрядческая наставница могла словом *установщица* (ср. выше рымовскую *установницу*).

Перечислим социальные роли и функции, выполняемые бабушками в описываемой локальной традиции.⁶

1. *Бытовые практики — повитушество*: «Дома все рожали. Мама наша всего лишь двоих последних в больнице, а так — всех дома, с бабушкой. Бабушка у меня была, она всем ходила по деревне <помогать>. Кто-то рождает, идут, стучат: “Приди”. Роды принимала бабушка, корова телится — по бабушку идут все» (Б. Рымы); «Бабушки из моленного дома у нас все делали в деревне. Как чего — они спасали. Роды принимали. У кого пуповина обвилась, у кого чего» (Там же).

2. *Магические практики*:

а) знахарство (лечение, снятие порчи): «Бабушки были, которые молились в молельном доме. Они и болезни заговаривали. Вот кила у меня была на губе. Липа Баскова заговорила» (Б. Рымы); «Я сорвала, девочку родила шестимесячную. Бабушки поили подборной травой» (Там же); «У нас очень много бабушек было. Зубы ведь раньше не ездили лечить, вот к бабушке ходили, что-то пошепчет — и слава богу. И у ребенка грыжа бывает, ходили к бабушкам» (Там же);

б) колдовство (наведение порчи): «У нас и ворожей были! Они плохое могли делать. Много было разговоров, и молоко отбирала, а вот в Юрове дак вообще. <...> И в Малых Рымах у нас было, к им ездят. И у нас» (Б. Рымы).

3. *Участие в календарной обрядности* — эксклюзивное право на проведение весеннего обряда окликанья молодых, который осуществлялся в Радоницу и предполагал обход семей молодоженов прошедшего года с исполнением вьюничных песен и последующим угощением певцов: «Окликали раз в год тех, кто в этом году поженится. И это делалось возле дома. [А кто этим занимался?] Те же бабушки» (Б. Рымы); «Окликали ходили к мужу, к еёным

родителям. [Кто окликали?] Ну, бабы старшие» (Там же); «Окликали в Радошное воскресенье. [А кто окликать ходил?] Кто молился в молельных домах, те и окликали. Бабушки-то. <...> Все на бабушках у нас» (Там же).

4. *Религиозные обряды*:

а) погружение младенца — практика, заменяющая крещение и широко распространенная в старообрядческой среде, а также у православных в отсутствие священника или при угрозе жизни новорожденного: ребенка в присутствии крестных родителей с молитвой погружают в воду, нарекают и надевают нательный крест. В XX в., после закрытия церквей, практика получила почти повсеместное распространение: миряне (в первую очередь повивальные бабки, но в нашем ареале повитуха и погружающая бабушка — необязательно одно лицо) погружали детей с благословения священника («Баушки были. Батюшком дано слово ей, этой женщине, шоб погружать-то робенков. Они ездили в церковь, эти баушки. И розрешения просили. И батюшко разрешил» — Юрово) или даже без него. Погружение может восприниматься как «предтеча» крещения, «полукрещение» (в таком случае при первой возможности ребенка нужно окрестить в церкви), или как полноценный эквивалент крещения, и тогда «перекрещивание» не требуется. На протяжении всего «атеистического» периода погружение считалось в кусте деревень Юрово — Рымы строго обязательной процедурой: «Бабушка у нас была Парасковья. В моленный дом ходила. Ей было дано разрешение вперед крещения погружать в воду. Мама сходила по эту Парасковью. Она погрузила и говорит: “Ладно, ты сходила ко мне! Она теперь не кусок мяса. Она погружена. Как крещеная. Ей можно в храм”. А которы дети не погружены, не крещены — зовем кусок мяса» (Б. Рымы);

б) отпевание покойника — также распространенная в XX в. среди мирян практика, характерная для разных регионов (Русский Север, Черноземье, Центральная Россия, Поволжье, в том числе и Костромское Поунжье⁷) и предполагающая использование своеобразных рукописных «требников» — религиозных сборников, часто называемых *тетрадками*, которые включают тексты псалмов, молитв, кантов, духовных стихов, заговоров

⁵ См.: Тикас Ч. О. Женщина в беспоповском старообрядческом сообществе во второй половине XIX — начале XX вв. (по материалам Санкт-Петербургской, Новгородской, Вологодской и Олонейской губерний): дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2011.

⁶ Впервые тема молельных бабушек в кусте деревень Юрово — Рымы была затронута в докладе Ю. М. Кувшинской, озвученном на «Богатыревских чтениях» (Москва, 2022). Доклад посвящен анализу вьюничных песен, и феномен бабушек рассматривается в нем преимущественно в аспекте их участия в обряде весеннего окликанья молодых.

⁷ Литературу см. в: Кувшинская Ю. М., Заикина А. А. Рукописная традиция и народная литургическая практика в Мантуровском районе Костромской области // Народная религиозность в свете фольклора. М., 2023. С. 271–302.

и прочих текстов «духовного» содержания.⁸ В д. Б. Рымы традиция жива по сей день (хотя храм в соседнем с. Юрово функционирует), но является угасающей. Молельные бабушки обмывают покойника, отпевают его «над гробом», затем на 9-й и 40-й поминальные дни. При отпевании в советское время использовались рукописные тетрадки, которые заводились молельными бабушками и передавались по наследству, а когда стала доступна церковная литература — Псалтирь. Наши собеседницы считают, что чин отпевания «по тетрадке» идентичен церковному, но при более подробном опросе выясняется, что в него возможно включение текстов духовных стихов: «Коле моему на години тетя Надя исполнила большой стих по памяти» (Б. Рымы). Кроме того, состав тетрадок, оказавшихся в нашем распоряжении (от разных владелиц, в общей сложности порядка 200 рукописных листов, которые нуждаются в отдельном исследовании), из-за его крайней жанровой эклектичности заставляет усомниться в строгом чинопоследовании при отпевании покойного;

в) освящение пасхальных яиц: «На Пасху шли в десять часов вечера, ночь всю молились, потом дом обходили со свечкой. И яйца святили там молельные бабушки» (Б. Рымы);

г) обходы, приуроченные к тому или иному событию и имитирующие крестные ходы, возглавляемые священником:

— обходы моленного дома после праздничного богослужения: «На Христов день <Пасха> круг избы-то обходили» (Юрово); «На Паску-ту круг дому-ту ходили. Вот как церковь обходят, и тут обходили, все уж по делу делали» (Там же);

— обходы деревни в охранительных целях (защита от пожара, дождя или засухи): «И деревню обходили от дождя, и от пожара. С иконами — вот это я помню, я видала. Старались каждый год это делать, когда вот эти молельные дома были» (Б. Рымы); «Обходили раньше всю деревню. У нас одна женщина обходила, тетя Галина, по кругу, с крестом. Может, молитву какую читала, летом каждый год» (Там же); «Когда пожар в <19>96-м году случился, там женщины обходили с иконой вокруг деревни» (Там же).

Напомним, что при отправлении указанных коллективных религиозных обрядов выделяет-

ся «главная» бабушка (чаще хозяйка моленного дома, но необязательно). Она играет лидирующую роль и выполняет функции священника (или уставщика), тем самым замещая его: ведет богослужение, святит пасхальные яйца, возглавляет «крестный ход» (обход моленного дома или деревни), крестит детей погружением (не будучи повивальной бабкой, которая принимала ребенка, ср.: «В котором доме бабушки молились, хозяйка этого дома погружала» — Б. Рымы).

Видимо, это обстоятельство является непосредственной причиной явления, которое в корне отличает локальную традицию мирского совершения приходских треб и «мирского прихода» от общепринятой практики: в кусте деревень Юрово — Рымы лидерство в духовной сфере обеспечивает старшим женщинам моральный авторитет и дает право наказывать членов общины за нарушения.

5. *Социорегулирующая функция* — контроль над моральным обликом членов сообщества и полномочия наказывать за нарушения: «Баба одна гуляла. Ну, наказали ей. [Кто наказал?] А которы молились ходили, те наказали. Всегда так наказывали гулявших. Ей провели по всей деревне, а на шею навязали мешок с землей. Ну, как за грехи» (Б. Рымы); «В Малых Рымах девка поворовывала. Собрали сход, бабы пришли старшие. Ну, запрягли её в сани летом. Раздели до рубашки. И она везла сани по деревне на виду у всех» (Там же); «На Кірики-Уліты <28 июля> гроза поднялась, а женки работали в поле. Нельзя в поле ходить в этот день. Староста деревни была, свекровка Валькина. Вот она и распорядилась — наказали их плеткой» (Там же).

Перед нами примеры актов народного правосудия, базирующегося на авторитете старших женщин, — ярчайшее проявление механизмов института бабчества в этих краях и признак матриархального устройства микросоциума. Это явление имеет несколько вероятных источников в укладе местной жизни, действующих совокупно.

Во-первых, опыт женского самоуправления в сельском сообществе в этом регионе, как и во многих других, активно накапливался во время и после Великой Отечественной войны.

Во-вторых, Макарьевский район является одним из центров жгонки — отхожего промысла, связанного с катанием валенок и существовавшего вплоть до второй половины XX в., и юровский куст деревень — не исключение. В поисках заработка мужчины покидали

⁸ О тетрадках в соседнем с Макарьевским Мантуровском р-не Костромской обл. см.: Кувшинская Ю. М., Заикина А. А. Указ. соч.

родные места часто на весь осенне-зимний период. Соответственно, женщины в регионах с развитыми отхожими промыслами брали регулирование норм общежития в свои руки.

В-третьих, на формирование института бабчества (во всей сумме его проявлений) повлиял, по-видимому, еще один фактор — образ жизни старообрядцев-беспоповцев, процент которых среди населения этого края, вероятно, был высоким вплоть до XX в. Для понимания историко-конфессионального контекста, в котором складывался и развивался описываемый нами феномен, мы совершим краткий экскурс в историю региона с XVII в.

В первой половине XVIII в. описываемая нами территория относилась к Рыбновской волости Юрьевоцкого уезда Нижегородской губернии, а в 1778 г. была передана Макарьевскому уезду Костромского наместничества (с 1796 г. — Костромской губ.). Окрестности этих мест начиная с XVIII в. имеют отойко-нимное наименование *Рымские леса* — это густой лес от берегов Черного Луха до верховьев Керженца, получивший статус заповедного (корабельного) в самом начале XVIII в., после серии лесоохранных указов Петра I.⁹

Судя по историческим источникам, до XVIII в. Рымские леса не были заселены — уже во второй половине XVI в. эти места считались дикими и обезлюдившимися: «Августа 27-го 1587 г. боярин и дворецкий Григорий Васильевич Годунов в Кульской волости дикий густой лес, верст на 20–30 по реке Черному Луху, отдал на откуп из-за взноса в казну меду по пуду на год да пошлин 5 денег, причем окольные показали, что владельцы этого леса лет сорок или пятьдесят побиты в войну луговою черемисою и померли от поветрия».¹⁰ По всей вероятности, первые населенные пункты появились здесь за некоторое время до первой подушной переписи (1718 г.) — известно, что выходцы из Галичского уезда основали в этих местах пять деревень: «1729 г. марта 13 Макарьева монастыря казначей иеродиакон Геннадий с братиею в синод. казен. приказ писал: “в прошлых годах до переписи генерального свидетельства мужеска полу душ Галицкого уезда вотчины Макарьева Унженского мона-

стыря крестьяне вышли из разных деревень от скудости своей того монастыря в вотчинские леса за реку Унжу от монастыря в расстоянии верст с 60 и расчистя леса под починки поселились около р. Черного Луху и те крестьяне, как была перепись мужского полу душ, написаны в тех новопоселенных починках и положены в подушный оклад, а ныне живущих в 5 деревнях дворов с 30 и больше..., а церкви у них нет, а иных церквей близ их не имеется же... и просим благословением свят. прав. синода... построить нам, усмотря удобное место церковь Божию во имя Покрова Пресв. Богородицы деревянную».¹¹ В письме иеродиакона деревни не поименованы, но высока вероятность, что среди них уже были Рымы: в ревизской сказке первой ревизии среди вотчинных деревень Макарьевского монастыря (1723 г.) значатся «новопоселенные Рымовские починки».¹²

Что касается причин отхода в Рымские леса галичан, то, думается, дело не ограничивается «скудостью того монастыря»: в миграции на юго-восток, в глухие леса, можно подозревать бегство приверженцев «старой веры».¹³ Южная часть Макарьевского уезда (Нижнее Поунжье) и теперешнее Нижегородское Заволжье — Рымские и Керженские леса — начиная с XVII в. были своеобразным «центром притяжения» раскольников, в первую очередь беспоповцев, см.: «Здесь в Нижегородской епархии, в чернораменских лесах Юрьевоцкого и Балахнинского округов... в 1716 г. считалось одних записных раскольников до 40 000 душ»;¹⁴ «...в Керженских лесах поселился... выходец из Соловецкого монастыря, монах Арсений, и основал здесь в лесной чаще... скит

⁹ Материалы для истории Костромской епархии. Кострома, 1900. Вып. 2. С. 146. Деревянная церковь, о которой просил Синод иеродиакон Макарьевского монастыря в 1729 г., была построена, но позже — в 1781 г. в с. Юрово (Большое Юрово); в 1861–1870 гг. рядом с ней возвели каменную церковь (Памятники архитектуры Костромской области. Каталог / Рудченко В. М. [и др.]. Кострома, 2006. Вып. 8. С. 283).

¹² РГАДА. Ф. 350. Оп. 2.2. Д. 3703.

¹³ Симптоматичен и повод для письма в Синод: просьба построить на Черном Лухе храм (между строк читается истинная мотивация: для борьбы с расколом). Ср. рекомендацию по «уничтожению и ослаблению расколов в Костромской губернии»: «устройство церквей православных в тех местах, где деревни удалены на 50 и более верст от своих приходов, как, например, в удельных имениях Варнавинского и Макарьевского уездов» (Брянчанинов П. А., Арнольди Л. И. Краткая записка о состоянии раскола и настоящем числе раскольников в Костромской губернии // Сборник правительственных сведений о раскольниках. Лондон, 1862. Вып. 4).

¹⁴ Шапов А. Русский раскол старообрядства, рассматриваемый в связи с внутренним состоянием русской церкви и гражданственности в XVII в. и в первой половине XVIII в.: опыт исторических исследований о причинах происхождения и распространения русского раскола. Казань, 1859. С. 7.

⁹ См.: Черных В. В. Лесное законодательство в период правления Петра I // Сибирский юридический вестник. 2012. № 1 (56). С. 29–35; Белоруков Д. Ф. Деревни, села и города Костромского края: материалы для истории. Кострома, 2000. С. 195.

¹⁰ Диев М. Я. Старинные волости и станы в Костромской стороне. Материалы для Историко-географического словаря Костромской губернии, с предисловием А. Н. Титова. М., 1909. С. 30, 31.

Шарпанский. <...> Тотчас же к нему потекли сотни, тысячи людей со всех сторон. Таким образом в 30 или 40 лет столько стеклось сюда народу, что вместо одного Шарпанского монастыря в пределах нынешней Нижегородской и сопредельной с нею Костромской губернии появилось до 94 скитов... В начале XVIII столетия в одних нынешних Балахнинском, Семеновском и Макарьевском уездах считалось около 30 000 раскольников, что составляет гораздо более трети тогдашнего общего населения; в 1719 г. считалось раскольников в пределах Нижегородской епархии уже 86 000 обою пола, следовательно, на каждую тысячу жителей приходилось 283 раскольника».¹⁵

Раскольничьи Рымские леса получили широкую известность под трансформировавшимся названием *Брынских лесов*:¹⁶ «Леса, лежащие в Макарьевском уезде, на левом берегу Унжи, носили в старину название Брынских и были знамениты раскольничьими скитами различных сект, [которые] ...заразили на веки всю южную часть Макарьевского уезда и соседних уездов Нижегородской губернии».¹⁷ Знаменитое, многократно переиздававшееся сочинение св. Димитрия Ростовского «Розыск о раскольничьей Брынской вере» (1709 г., впервые издано в 1745 г.) посвящено обличению вероучения «сектантов» именно этого региона.

По официальным сведениям, в существенной степени старообрядческим регион оставался до начала XX в.¹⁸

Примечательно, что одним из известных исходных пунктов для миграции старообрядцев в Рымские и Керженские леса в XVIII в. был северо-запад Костромской губернии — Галичский и Чухломской уезды,¹⁹ так что свидетельство 1729 г. об основании здесь галичанами пяти деревень вписывается в эту тенденцию. Можно предположить, что население куста деревень Юрово — Рымы, несмотря на усилия властей и официальной церкви, в значительной степени оставалось старообрядческим по меньшей мере до начала XX в. Этому способствовал

конфессиональный «ландшафт» местности (приведем лишь один пример: знаменитая Высоко-Успенская пустынь, основанная в 1784 г. как старообрядческий скит, в 1801 г. превращенная в единоверческий монастырь и функционировавшая до 1929 г., расположена всего в 10–15 км южнее д. Б. Рымы), и следы этого поныне сохраняются в народной памяти. Уроженцы Б. Рымов вспоминают расположенный примерно в 20 км на северо-запад от их деревни населенный пункт *Киты́* (явное преобразование из *Скиты́*): «Место <у нас> очень оригинальное, далеко от населенных пунктов. Очень далеко в глуши. Что народ выгнало сюда? У нас был населенный пункт, так называемые Киты. <...> Это населенный пункт..., он расположен на самом берегу Черного Луха. <...> Там были остатки домов, уже без крыш, то есть люди оттуда уехали в советское время, наверное, в шестидесятые даже годы.²⁰ <...> Ни на одной карте такого названия нет²¹» (Б. Рымы).

Другой след «скитов» обнаруживается в местной легенде: в нескольких километрах южнее Б. Рымов, вверх по течению р. Черный Лух находится святой источник, где, по разным сведениям, бьют 12 или 40 ключей. О происхождении источника местные жители рассказывают, будто здесь «когда-то давно» стоял «скит, монастырь, а внизу протекала речка». По непонятной причине скит ушел под землю, а на его месте по вечерам стали замечать огни, «как будто кто свечи зажигал». Место сочли святым и обнаружили там бьющие ключи.²²

Наконец, показательны данные антропологии — коллективное прозвище жителей д. М. Рымы *го́лбешники*,²³ распространенное в кусте деревень Юрово — Рымы и за его пределами, и семейное прозвище жителей д. М. Рымы *Сала́бхи* (< *Саваоф*): «В Малых Рымах какие-то старики жили давно, до революции.

¹⁵ Там же. С. 268.

¹⁶ Хотя Брынскими корректно именовать леса в Брянской и Калужской губерниях по р. Брыни. Именно эта местность фигурирует в романе М. Загоскина «Брынский лес».

¹⁷ Из дневника надворного советника Брянчанинова, по исследованиям раскольников в Костромской губернии // Сборник правительственных сведений о раскольниках. Лондон, 1861. Вып. 2. С. 23.

¹⁸ См.: Кузнецов А. С., свящ. Старообрядчество на Костромской земле в XVII–XX вв. // Ипатьевский вестник. 2023. № 3 (23). С. 86–133.

¹⁹ См.: Белоруков Д. Ф. Указ. соч. С. 194.

²⁰ См. в связи с этим описанием: «В исследованиях XIX в. неоднократно встречается следующая характеристика устройства скитов: “С внешней стороны скиты можно разделить на два типа: одни из них по наружности ничем не отличаются от обыкновенной деревни или скорее выселка. <...> Наиболее часто в источниках встречаются сравнения старообрядческих скитов с “обыкновенной деревней”» (Прокофьева Н. В. Указ. соч. С. 157, 158).

²¹ На картах XVIII–XX вв., которые оказались в нашем распоряжении (URL: <https://костромские-деревни.рф/карты/костромская-губерния/> (дата обращения: 12.12.2023)), никакого населенного пункта в указанном месте действительно не значится, равно как нет похожего названия во всех окрестностях.

²² Родник «Юровский», святой источник Двенадцать ключей у деревни Большие Рымы // Святой источник. URL: <https://svyato.info/2010/01/15/rodnik-svjatojj-istochnik-dvenadcat-kljuchejj.html> (дата обращения: 12.12.2023).

²³ Голбешники — одно из широко известных названий страннического (бегуны) толка.

Бабушка их звала Салабхи. Старые старики, братья, поди» (Б. Рымы).²⁴

Конфессиональная специфика рассматриваемого ареала, как нам кажется, не могла не повлиять на явление, которому посвящена настоящая статья. Крайне осторожно заметим, что согласие, которое могло бы дать такие плоды, — это нетовцы, или, иначе, спасовцы, чье присутствие в Макарьевском уезде Костромской губернии во второй половине XIX — начале XX в. задокументировано.²⁵ Исследователи старообрядчества указывают, что «история спасова согласия до сих пор остается практически неизученной» — «достоверно известно лишь то, что какая-то группа спасовцев с конца XVII в. проживала на Керженце»,²⁶ то есть в непосредственном соседстве с Рымскими лесами. Одна из общепризнанных черт этого согласия — его крайняя скрытность, которая проявлялась в том числе в «мимикрии» к окружающей среде. Спасовцы легко принимали участие в официальной церковной жизни (поскольку не верили в таинства как возможность спасения) — есть свидетельства о том, что они крестились и венчались в православной церкви.²⁷

Выскажем осторожную гипотезу о том, что бабчество в кусте деревень Юрово — Рымы — это своеобразный реликт социального поведения той ветви спасова согласия, которую принято называть *бабушкиным толком*, или *бабушкиными*. Об этом толке известно крайне мало, но некоторые черты сходятся с особенностями описываемого нами явления: это ареал (Верхнее Поволжье — нынешние Костромская и Нижегородская области²⁸), делегирование совершения таинства крещения повивальной

бабке,²⁹ устройство моленных домов (общее для беспоповцев), где богослужения (которые заключались в чтении Псалтири и духовных стихов) совершали женщины.³⁰ Другие черты юровского бабчества нельзя связать непосредственно с бабушкиным толком, но они очень похожи на беспоповство вообще: мы говорим о традиции устройства моленных домов с редкими в них собраниями по большим праздникам, предполагающими наряду с чтением Псалтири также исполнение духовных стихов.³¹

В заключение подчеркнем, что сегодняшние жители с. Юрово и д. Б. Рымы знают о старообрядческом «субстрате» своих родных мест и окрестностей («Ну все говорят, что у нас в деревне старая вера была. Деревня наша, говорят, началась от староверов» — Б. Рымы), но утверждают, что сами староверами не являются и лично не знают никого, кто бы себя так называл: «Я понимаю, что голбешники <прозвище жителей М. Рымов> — это секта старообрядческая, но у нас ни в Малых, ни в Больших Рымах не сохранилось признаков старообрядчества. Если вы выедете в Нижегородскую область, буквально в соседние деревни, Высоково ладно, а вот доехать до Белых Прудов, подальше за Высоково, там в <19>70-е годы даже из колодца не дадут воды попить или из своей посуды. То есть признаки старообрядчества там сохранились» (Б. Рымы). Возникает подозрение, что современное отсутствие старообрядческой самоидентификации у местного населения — это не только результат атеистического XX в. с истиранием и забвением религиозной идентичности, но и возможное следствие мимикрирующего социального поведения «бабушкиных», которые явно не противопоставляли себя иноверческому окружению и официальной церкви: как и другие спасовцы, ««бабушкины» вели себя крайне скрытно, для чего могли обращаться в храм господствующей веры даже для участия в таких важнейших таинствах, как исповедь и причастие».³² При отсутствии проявленной оппозиционности и сильнейшем давлении внешней среды (до революции — со стороны официальной церкви и государства,

²⁴ Достоверно происхождение семейного прозвища установить трудно. С одной стороны, имя Саваоф упоминается в христианских литургических текстах, в том числе православной традиции (гимн Sanctus: «Свят, Свят, Свят, Господь Саваоф, исполнь небо и земля славы Твоея...»). В народной традиции оно встречается в текстах заговоров; также к Саваофу обращались во время грозы — эта широко распространенная практика, отраженная, к примеру, в романе «Лето Господне» И. Шмелева, бытует и в нашем ареале («От грозы читали молитву: “Свят-свят, Салаох. Исполни небо и землю, вся воля твоя”» — Б. Рымы). Таким образом, Салаохи могли прозвать особо религиозных или практикующих знахарство людей. С другой стороны, на Большом Московском соборе 1666–1667 гг. образ Господа Саваофа был запрещен для изображения как не соответствующий православному вероучению. В старообрядческой иконописи этот запрет игнорировался, что позволяет думать о возможных старообрядческих корнях этого прозвища.

²⁵ См.: Брянчанинов П. А., Арнольди Л. И. Указ. соч.; Кузнецов А. С. Указ. соч. С. 100, 104, 105.

²⁶ Мальцев А. И. Старообрядческие беспоповские согласия в XVIII — начале XIX в.: проблема взаимоотношений. Новосибирск, 2006. С. 409.

²⁷ См.: Прокофьева Н. В. Указ. соч. С. 203, 204.

²⁸ См.: Там же. С. 203.

²⁹ См.: Краткие сведения о старообрядческом расколе и сектах в русской церкви с изложением действующего в них законодательства. М., 1900.

³⁰ См.: Михайлов С. С. Старообрядческое беспоповское согласие «Бабушкина вера» в Подмоскovie и соседних губерниях. Попытка исторического обзора. М., 2022. С. 55.

³¹ Ср. свидетельства о моленных и о самостоятельном отпевании покойного в разных зонах Верхнего Поволжья, приводящиеся в: Прокофьева Н. В. Указ. соч. С. 174, 175, 227.

³² Михайлов С. С. Указ. соч. С. 27.

а после революции — со стороны советской власти) религиозная идентичность могла стертаться очень быстро, уступив место самым общим представлениям о религиозности.

Valeria S. Kuchko

Candidate of Philological Sciences, Ural Federal University (Russia, Ekaterinburg)
E-mail: *kuchko@inbox.ru*

Olesya D. Surikova

Candidate of Philological Sciences, Ural Federal University (Russia, Ekaterinburg)
E-mail: *surok62@mail.ru*

BABCHESTVO IN ONE KOSTROMA AREA: GENESIS AND CURRENT STATE

The article focuses on the socio-cultural situation in the south of the Makaryevsky district of the Kostroma region, within the modern settlements Bolshoe Yurovo, Yurovo, Bolshye and Malye Rymy. A number of important social functions in the local community during the Soviet period (and some by today) were performed by older women — they are commonly called *babushki / molel'nye babushki*. They were midwives, healers, participated in religious rituals (performed divine services in prayer houses, funeral services, baptized children), in a number of calendar and non-calendar rituals (in the spring hailing of the newlyweds, in rounds of the village to protect it from fires, etc.), and also had the authority to punish members of the community for violations. The work is based on field material collected in the named area by the Ural University Toponymic Expedition in the summer of 2023. The authors' purpose is to describe this phenomenon, for which they propose the term *babchestvo*, in the form it was found by today's local residents of the older generation, to name the possible prerequisites for its formation and the factors that supported its development. Tracing the history of the region, the authors propose a hypothesis about the possible influence of the Old Believers' past on the functioning of the institution of *babchestvo* in these localities.

Keywords: *Russian traditional culture, ethnography, babchestvo, history of Old Believers, Kostroma region*

REFERENCES

- Belorukov D.F. *Derevni, sela i goroda Kostromskogo kraja: materialy dlya istorii* [Villages and Cities of the Kostroma Region: Materials for History]. Kostroma: Evrika-M Publ., 2000. (in Russ.).
- Chernykh V. V. [The Wood Legislation in Peter I Board]. *Sibirskiy yuridicheskiy vestnik* [Siberian Law Herald], 2012, no. 1 (56), pp. 29–35. (in Russ.).
- Kuvshinskaya Yu. M., Zaikina A. A. [Manuscript Tradition and Folk Liturgical Practice in the Manturovsky District of the Kostroma Region]. *Narodnaya religioznost' v svete fol'klora* [Folk Religiosity in the Light of Folklore]. Moscow: Gos. in-t iskusstvovnaniya Publ., 2023, pp. 271–302. (in Russ.).
- Kuznetsov A. S., priest. [Old Believers on the Kostroma Land in the XVII–XX Centuries]. *Ipatievsky vestnik* [Ipatievsky Bulletin], 2023, no. 3 (23), pp. 86–133. DOI: 10.24412/2309-5164-2023-3-86-133 (in Russ.).
- Maltsev A. I. *Starobryadcheskiye bespopovskiye soglasiya v XVIII — nachale XIX v.: problema vzaimootnosheniy* [Priestless Old Believers in the 18th — Early 19th Centuries: The Problem of Relationships]. Novosibirsk: Sova Publ., 2006. (in Russ.).
- Mikhailov S. S. *Starobryadcheskoye bespopovskoye soglasiye "Babushkina vera" v Podmoskov'ye i sosednikh guberniyakh. Popytka istoricheskogo obzora* [Priestless Old Believers Group "Grandma's Faith" in the Moscow Region and Neighboring Provinces. An Attempt at a Historical Review]. Moscow: Galleya-Print Publ., 2022. (in Russ.).
- Miroshnichenko M. I. [Maternal Practices in the Urals in the 1920s — First Half of the 1930s: Communication Interactions and Contradictions]. *EVRAZIYA-2022: sotsial'no-gumanitarnoye prostranstvo v epokhu globalizatsii i tsifrovizatsii* [EURASIA-2022: Social and Humanitarian Space in the Era of Globalization and Digitalization]. Chelyabinsk: ITs YuUrGU Publ., 2022, vol. 2, pp. 66–68. (in Russ.).
- Prokofieva N. V. *Starobryadchestvo Verkhnego Povolzh'ya v kontse XVIII — nachale XX v.: kand. dis.* [Old Believers of the Upper Volga Region in the Late 18th — Early 20th Century: Diss. Cand.]. Yaroslavl, 2001. (in Russ.).
- Tikas Ch. O. *Zhenshchina v bespopovskom starobryadcheskom soobshchestve vo vtoroy polovine XIX — nachale XX vv. (po materialam Sankt-Peterburgskoy, Novgorodskoy, Vologodskoy i Olonetskoy guberniy): kand. dis.* [Woman in Priestless Old Believers Community in the Second Half of the 19th — Early 20th Centuries (Based on Materials from St. Petersburg, Novgorod, Vologda and Olonets Provinces): Diss. Cand.]. Saint Petersburg, 2011. (in Russ.).

Для цитирования: Кучко В. С., Сурикова О. Д. Институт бабчества в одном Костромском ареале: проблема генеза и современное состояние // Уральский исторический вестник. 2024. № 2 (83). С. 16–23. DOI: 10.30759/1728-9718-2024-2 (83)-16-23.

For citation: Kuchko V. S., Surikova O. D. *Babchestvo in One Kostroma Area: Genesis and Current State* // Ural Historical Journal, 2024, no. 2 (83), pp. 16–23. DOI: 10.30759/1728-9718-2024-2 (83)-16-23.